

23.08.1980

Иркутский областной краеведческий музей
г. Иркутск

НА ЗЕМЛЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Вероятно, каждый причастный к литературе и искусству человек имеет среди дорогих сердцу памятных мест самое сокровенное. Шукшинские «пенаты» — село Сростки Алтайского края — сейчас по праву овладели сердцами многих людей. Ведь именно здесь, на родине художника, ощущаешь во всей полноте истоки шукшинского таланта, как бы хорошо с его творчеством ты ни был знаком. «Гордишься и удивляешься этим Сросткам без конца и завидуешь им: вот что они оказались способными дать, вот что они способны принять — какой дух, какую нравственность, какую глубину жизни...» — эти слова писателя Сергея Залыгина прозвучали шесть лет назад в горестные минуты прощания с Шукшиным.

В августе этого года судьба привела меня в Алтайский край. Появилась счастливая возможность побывать и в Сростках, где в 1979 году к 50-летию со дня рождения В. М. Шукшина был открыт мемориальный дом-музей. Шукшинская родина ощущается еще до поездки в его родное село по широким степным просторам Алтая, стремительной Катунь да по непривычной для восточно-сибирского слуха речи жителей края, которую сам писатель характеризовал как «напевную», называя при этом самих земляков «беспокойными», что вполне соответствует складу их характера. Единство, неразрывная связь личности художника и его родины отчетливо проявлялись как в книгах Шукшина, так и в его кинофильмах, большинство из которых снималось в Алтайском крае.

Родное село писателя стоит на знаменитом Чуйском тракте. Собственно, официально такого названия сейчас нет — тракт входит в состав автомобильной дороги, ведущей от Новосибирска до границы с Монголией. 33 километра асфальтированной извилистой трассы разделяют Бийск и Сростки. Вглядываясь в лица молодых шоферов, сделавших остановку около стоящей на тракте столовой, пытаешься найти черточки шукшинских Пашки Холманского или Гриньки Малюгина, но вскоре бросаешь это бесполезное занятие. Герои Шукшина живут своей особой жизнью, которая не терпит мимолетного знакомства и соприкосновения. Слушаешь, как женщина-экскурсовод скудно пересказывает содержание шукшинских фильмов, попутно отмечая «недостатки» «Печек-лавочек», и приходишь в конечном итоге к выводу, что «творчество Шукшина противоречиво, как противоречива сама жизнь», и думаешь: «Ну здесь-то к чему?! Сейчас-то зачем?! Неужели в Михайловском, Тарханах или Ясной Поляне тоже до сих пор говорят о «противоречиях?!»

Места, связанные с памятью Шукшина, отмечены в Сростках бело-голубыми щитами. Проезжаем мимо усадьбы, в которой 25 июля 1929 года родился писатель. А вот новый кинотеатр «Катунь» — когда-то на его месте стоял дом деда Шукшина — С. Ф. Попова. Школа, которой присвоено имя писателя, смотрит окнами нового трехэтажного здания на старое, стоящее через дорогу, одноэтажное — здесь Шукшин учился до армии, здесь в 1953 году закончил экстерном десятилетку и сразу же остался учителем, некоторое время Шукшин был и директором вечерней школы. Проходим через небольшой парк и спускаемся по улице вниз по направлению к реке. Большая часть жизни Шукшина прошла в доме отца, стоящем недалеко от берега Катунь.

Увидев, как мы подошли к шукшинской избе в ее первоначальном виде. Дом перестроен, обновлен, на нем появилась красная железная крыша. Живут в нем те самые люди, которым в войну Мария Сергеевна продала половину дома, а затем после того, как Шукшин купил ей в 1965 году на торжар за роман «Любавины» новый каменный дом, и вторую половину. В новом-то доме и размещен музей писателя. Расположенный на возвышенной местности, он виден издали. Во дворе — дровяной склад, летняя кухня, на веранде расклеены афиши спектаклей по произведениям Шукшина, документы, свидетельствующие об увековечении его памяти.

А вот, пожалуй, самое живое свидетельство всенародной любви к художнику — книга для посетителей. Постоянно обширна география мест, из которых люди едут к Шукшину, а ведь до Сросток не так-то легко добраться. В двух комнатах дома

(спальные матери и зале, бывшей одновременно кабинетом Шукшина) вывешены фотографии, документы, помещены некоторые личные вещи писателя — форма матроса Черноморского флота (Шукшин служил в Севастополе радистом, незадолго до завершения срока службы он был комиссован в связи с обострением язвенной болезни желудка), пишущая машинка «Москва», записная книжка.

Конечно же, особое внимание обращают на себя документы, связанные с поступлением Шукшина во ВГИК: заявление, автобиография и первый лист сочинения, написанные четким круглым почерком. Сочинение Шукшин написал необычное. Тема: «Вестибюль ВГИКа. Лето. Настоящие дни». И далее: «Киты, или о том, как мы приобщались к искусству». Рецензия в конце сочинения гласит: «Хотя написана работа и не на тему и условия не выполнены, автор обнаруживает режиссерские дарования и заслуживает отличной оценки».

В левой половине дома расположена кухня, из которой вход в спальню Шукшина. Здесь воспроизведена подлинная, немудреная обстановка, в которой жил писатель, когда приезжал на родину: железная кровать, небольшой платяной шкаф, столик со стоящим на нем трехстворчатым зеркалом. На окнах голубые, как алтайское небо в день нашего пребывания в Сростках, шторы с веселым рисунком, на одном из подоконников старенький деревянный репродуктор, из которого слышалась тихая речь диктора. Репродуктор жил... Именно в эту минуту все музейное, мемориальное отошло на второй план, перед глазами возник Шукшин, по-прежнему живущий в своих экранных двойниках-героях. Поблизости здесь еще, проникнуться, ощутить каждую частицу шукшинского быта и бытия. Но... спешит к автобусу толпа экскурсантов. Выхожу из дома, мысленно вновь окидывая взором его комнаты, чтобы оставить в своей памяти заповедный шукшинский уголок.

...Последняя шукшинская «точка» в Сростках — любимая писателем гора Пикет. Сюда вернулся после своих южных странствий Иван Расторгуев. Последний кадр «Печек-лавочек» Шукшин снимал на этой вершине, с которой открывается панорама Сросток, Катунь и на которой так волно и просторно было сердцу и душе художника. На Пикете и проводятся 25 июля, в день рождения писателя, шукшинские чтения — ежегодно в краевом масштабе и раз в пятилетие во всесоюзном.

Понят ли до конца Шукшин? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Новые штрихи к его портрету добавили в недавней телепередаче Михаил Ульянов и Евгений Лебедев, Сергей Видулов и Георгий Бурков. Запомнились слова Г. Буркова об интеллигентности Шукшина, которого порой до сих пор «тянут» в мужики, о стремлении художника к новым рубежам в искусстве. «А от меня все героев типа Пашки Колокольниково требуют», — возмущался Шукшин. Даже по этим фактам можно судить о том, как много усилий предстоит приложить всем нам для того, чтобы изжить в корне бытующую еще различного уровня воинствующую некомпетентность.

А пока при прощании со Сростками, с Алтайским краем вспоминаются слова самого Василия Макаровича: «И прекрасна моя родина — Алтай: как бываю там, так ереле поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надышаться-то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором».

И еще: «Трудно понять, но как где скажешь «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство... когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях, о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет..»

Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива!

Будешь ты счастлива — и я буду счастлив».

Сергей СМЕРНОВ,
кандидат филологических наук, и. о.
доцента Иркутского государственного университета.